

она читается такъ.

КАКЪ ПРАЗДНУЮТЪ НОВЫЙ ГОДЪ ЯПОНЦЫ.

чень далеко отъ насъ, въ Тихомъ океанѣ, вдоль восточныхъ береговъ Азіи, тянется цѣль острововъ, большихъ и малыхъ, которые составляютъ Японское государство. Японія чрезвычайно интересная страна; японцы народъ цивилизованный. У нихъ есть такіе города, въ которыхъ живетъ больше народа, чѣмъ въ нашихъ большихъ городахъ. Въ этихъ городахъ есть учебныя заведенія, театры, магазины, — словомъ, все то же, что и у насъ. Японцы занимаются разными ремеслами, науками и искусствами. Въ особенномъ почетѣ у нихъ земледѣліе. И между тѣмъ все въ Японіи по наружности нисколько не похоже на наше; у нихъ все своеобразно. Это происходитъ оттого, что мы, европейцы, знаемъ, что дѣлается въ чужихъ земляхъ, у сосѣдей, и многое перенимаемъ другъ отъ друга. У японцевъ же что не придумано ими самими, то перенято отъ китайцевъ и ни отъ кого болѣе; а китайцы ничего не переняли отъ другихъ: всему научились сами. Въ Китай и Японію не ѣздили другіе народы, такъ какъ это было запрещено тамошнимъ правительствомъ, и точно также китайцы и японцы не выѣз-

жали изъ своей родины въ далекія страны. Поэтому они не могли знать, что дѣлается у другихъ народовъ, и не могли позаимствоваться отъ нихъ ничѣмъ хорошимъ, никакимъ улучшеніемъ въ работѣ и пр. Вотъ отчего въ этихъ двухъ государствахъ все вышло на свой собственный ладъ.

Мы сказали, что въ Японіи все не похоже на наше, но только по наружности. Люди вездѣ одинаковы и потребности цивилизованныхъ людей болѣе или менѣе сходны между собой, точно также, какъ сходны между собой потребности дикарей.

Вотъ посмотримъ, какъ справляютъ японцы Новый годъ, и можетъ быть мы найдемъ въ ихъ обычаяхъ что-нибудь схожее съ нашими.

Новый годъ у японцевъ начинается весной. Перенесемся на это время въ Іеддо, столицу Японскаго государства. Городъ этотъ, имѣющій 1800000 жителей, еще недѣли за двѣ до праздника оживляется пріѣзжими, которые со всѣхъ сторонъ съѣзжаются на большую ярмарку. Чѣмъ ближе къ празднику, тѣмъ болѣе предпраздничной дѣятельности и суматохи замѣтно на улицахъ. Наканунѣ Новаго года японцы, чрезвычайно любящіе опрятность, начинаютъ все мыть и чистить въ своихъ домахъ. Постройка японскихъ домовъ приспособлена къ тамошнему теплomu климату. Ихъ легкія зданія большею частью строятся изъ бамбуковыхъ досокъ и бревенъ, въ одинъ или много въ два этажа, и украшаются галереями, замѣняющими наши балконы. Главная дверь всегда выходитъ на улицу. Намъ, европейцамъ, показалось бы очень неудобно въ японскихъ комнатахъ. Въ нихъ нѣтъ ни стульевъ, ни дивановъ, ни столовъ. Всю мебель составляютъ шкапы и сундуки для храненія разныхъ вещей, бу-

мажныя ширмы, на которыхъ нарисованы изображенія разныхъ птицъ, животныхъ и цвѣтовъ, большею частью фантастическихъ, этажерки, на которыхъ лежатъ книги и рукописи или стоятъ горшки и вазы съ цвѣтами и другія вещи. Всѣ полы устланы мягкими, плетеными циновками, на которыхъ обыкновенно сидятъ японцы, поджавъ ноги. Когда они ѣдятъ или пьютъ чай, то придвигаютъ къ себѣ маленькіе, очень низкіе столики. Стѣнамъ домовъ внутри и всѣ деревянные вещи превосходно лакированы. Богатые даже дома свои лакируютъ снаружи.

Передъ праздникомъ, когда идетъ уборка, тротуары завалены вещами, вынесенными изъ домовъ для чистки и выколачиванья. Передъ нѣкоторыми домами по обѣимъ сторонамъ входа, по случаю наступающаго праздника, воткнуты сосновыя или бамбуковыя деревья; верхушки ихъ связаны между собой гирляндами изъ рисовой соломы. Эти гирлянды перевиты длинными лентами изъ золотой и серебряной бумаги и увѣшаны красными лѣсными ягодами и апельсинами. По стѣнамъ галлерей и на крышахъ домовъ вьются веревки съ длинной соломенной бахромой въ перемежку съ маленькими сосновыми вѣтками и листьями папоротника. Такія же украшенія видны повсюду: на лавочкахъ, на городскихъ воротахъ, на фонаряхъ, колодцахъ, на ведрахъ носильщиковъ, на шляпахъ флейтистовъ, барабанщиковъ, гитаристовъ и уличныхъ плясунновъ. Улицы запружены народомъ. Купцы, лавочники, хозяева ремесленныхъ заведеній, семейные люди, — вообще всѣ, занимающіеся денежными дѣлами, торопятся свести счета и окончить свои дѣла, чтобы, по принятому обычаю, къ Новому году не осталось не уплаченныхъ долговъ. Только окончивъ свои дѣла, отецъ семейства от-

правляется съ пріятелями въ какой-нибудь ближайшій ресторанъ и, возвратясь оттуда домой, принимаетъ участіе въ праздничныхъ приготовленіяхъ своей жены и дѣтей. Къ этому времени въ городѣ появляется не мало крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень. Они ведутъ подъ уздцы своихъ лошадей, тяжело навьюченыхъ бамбуковыми и сосновыми деревьями, привезенными ими въ городъ на продажу. На нихъ короткія блузы съ широкими рукавами и подпоясанныя поясомъ. Голыя ноги обуты въ сандалии, передняя часть головы выбрита, а волосы назадъ заплетены въ косичку, которая затянута на макушкѣ. Плоская, соломенная шляпа и зонтикъ на перевязи довершаютъ ихъ дорожный костюмъ. Женщины носятъ родъ длиннаго халата, также подпоясаннаго кушакомъ. Въ зачесанныхъ кверху волосахъ красуется безчисленное множество длинныхъ шпилекъ съ большими головками *).

Продавъ свой товаръ, крестьянинъ накупаетъ у разныхъ шарлатановъ, которыхъ очень много въ Японіи, разныхъ амулетовъ, т. е. вещей, будто-бы имѣющихъ силу отгонять отъ рисовыхъ полей злаго духа. Затѣмъ онъ покупаетъ своимъ дѣтямъ такъ-называемыя деревья счастья, такъ какъ вѣрить, что онѣ способствуютъ ихъ благоденствію. Эти деревья ничто иное, какъ большія вѣт-

*) Одежда мужчинъ и женщинъ другихъ сословій, исключая военнаго, почти всегда длинная и всегда съ широкими рукавами, дѣлается большею частью изъ шелковыхъ матерій, у богатыхъ и знатныхъ съ вышитыми на нихъ разноцвѣтными шелками изображеніями дѣтвъ, птицъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ. — Иногда къ яркимъ шелкамъ прибавляютъ еще серебро и золото. Японцы славятся выдѣлкою своихъ шелковыхъ матерій. На улицахъ японцы мужчины, какъ и женщины, носятъ опахало и зонтикъ.

ки плакучей ивы, увѣшанныя конфектами, разными стеклянными вещицами, масками, до которыхъ японцы большіе охотники, игральными костями и металлическими пластинками, изображающими деньги. Шумнѣе и шумнѣе становится на улицахъ. Много всякаго люда толчется всюду. Продавцы маленькихъ, красныхъ фонарей разносятъ ихъ по улицамъ огромными массами на гибкихъ, длинныхъ вѣтвяхъ, которыя они покачиваютъ высоко надъ головой. Разнощики, продающіе игрушки, оглушаютъ шумомъ своихъ трубъ, свистковъ и барабановъ. На каждомъ шагу попадаются мальчики изъ магазиновъ или слуги изъ богатыхъ домовъ съ разными покупками, красиво уложенными въ изящные ящики. Между народомъ взадъ и впередъ снуютъ маски одна другой уродливѣе. Вообще у японцевъ—страсть ко всему фантастическому и уродливому. Маски ихъ изображаютъ большею частью разныхъ чудовищъ,—драконовъ, змѣй, какихъ-то небывалыхъ звѣрей, огромныхъ размѣровъ, птицъ съ безконечно длинными носами и тому подобное. Между этимъ пестрымъ людомъ, нарядившимся для собственнаго удовольствія, попадаютъ безпрестанно слуги изъ неважныхъ домовъ, тоже разодѣтые по-своему. На головѣ у нихъ шапка изъ зеленой бумаги, похожая на сахарную голову со срѣзанной верхушкой. Шапка эта закрываетъ имъ почти все лицо; бѣлый фартукъ, вышитый краснымъ шелкомъ, довершаетъ ихъ нарядъ. Они расхаживаютъ отъ одвой двери къ другой, поютъ и пляшутъ, выбивая тактъ двумя бамбуковыми тросточками, ударяя одну о другую. За это имъ даютъ мелкія монеты. Вотъ идутъ подъ креповымъ балдахиномъ четыре бонзы. Бонзы—это японскіе священники, или вѣрнѣе жрецы, такъ какъ японцы язычники. Время отъ вре-

мени они останавливаются и начинают выплясывать подъ балдахиномъ свою священную пляску. Рядомъ съ ними уморительный сборщикъ милостыни, тоже въ костюмѣ жреца, идетъ сопровождаемый шутомъ. Шутъ стучитъ въ барабанъ, а жрецъ поетъ и пляшетъ. По японскому обычаю имъ подають чашку риса, наверху которой положена монета. Шутъ кладетъ монету въ длинный кошелекъ, привязанный къ поясу, а рисъ сыпаетъ въ висящій за плечами мѣшокъ. Гамъ и шумъ на улицахъ оглушительный. Вездѣ видны наряженные, паяцы, скоморохи, фокусники, плясуны и разные гаеры. И въ тоже время нигдѣ не видно экипажей и не слышно стука колесъ. Ѣздить только верхомъ. Знатныхъ же или богатыхъ людей носятъ въ паланкинахъ—носилкахъ съ навѣсомъ. Это происходитъ оттого, что въ Японіи держатъ мало жвачныхъ животныхъ (лошадей, коровъ и пр.) Японцевъ такъ много, что они дорожатъ каждымъ клочкомъ земли. За чертою городовъ вездѣ видны поля, засѣянные рисомъ, огороды, виноградники, чайныя плантаціи или плантаціи тутовыхъ, апельсиновыхъ и другихъ деревьевъ, смотря по тому, для чего удобнѣе мѣстная почва. Луговъ у нихъ очень мало, а безъ луговъ нечѣмъ кормить скота.

Но возвратимся къ улицамъ Іеддо наканунѣ Нового года.

Вотъ идетъ человѣкъ съ деревяннымъ пестикомъ и ступой въ рукахъ, которую онъ вертитъ передъ глазами, какъ маленькій боченокъ. Онъ посматриваетъ во всѣ стороны,—не зазовутъ ли его въ какой-нибудь домъ. Это толкачъ риса. Ремесло толкача доказываетъ, вопервыхъ, что у японцевъ чрезвычайно много терпѣнья, вовторыхъ, что они недалеко ушли въ механизмѣ. Въ самомъ дѣлѣ,

ремесленныя издѣлія японцевъ большею частью дѣлаются безъ помощи машинъ, ручной работой. У насъ, европейцевъ, никогда не хватило бы терпѣнья превратить съ помощью пестика и ступки въ самую мелкую муку такую массу риса, каковую употребляютъ японцы для своихъ праздничныхъ печеній. Мы сейчасъ бы придумали какую-нибудь машину, хоть бы простую, ручную мельницу. Но японцы народъ терпѣливый и придерживающійся старинныхъ обычаевъ. Рисъ замѣняетъ въ Японіи нашъ хлѣбъ. Къ Новому году во всѣхъ домахъ готовятъ множество рисовыхъ пирожковъ и другихъ печеній изъ рисовой муки. Въ домахъ средняго сословія придерживаются стариннаго обычая устанавливать столы огромнымъ запасомъ разныхъ кушаньевъ, пироговъ и рисовыхъ хлѣбовъ для работниковъ, прикащиковъ, а также для раздачи въ подарокъ близкимъ друзьямъ и родственникамъ. Во всѣхъ домахъ кухни наполняются хлѣбопеками и ихъ подмастерьями, раздѣтыми до пояса, которые только и знаютъ, что мѣсятъ тѣсто въ деревянныхъ ступахъ, сажаютъ въ печь и вынимаютъ изъ нее пироги. Канунъ Нового года самый тяжелый день для бѣдныхъ толкачей, такъ какъ во всѣхъ большихъ хозяйствахъ спѣшать натолочь столько риса, чтобъ его хватило до новаго сбора въ октябрѣ. Въ небогатыхъ семействахъ толкутъ рисъ сами или съ помощью сосѣдей и въ такихъ случаяхъ помощь всегда бываетъ обоюдная.

Но особенно толпится народъ наканунѣ Нового года около большихъ пивоварень, гдѣ варятъ изъ риса напитокъ, замѣняющій наше пиво и называемый *саки*. Множество ведръ, боченковъ, фарфоровыхъ кувшиновъ и кружекъ навалено горами въ разныхъ углахъ улицы. Горо-

жане, принесшіе ихъ, толпятся на обширныхъ пивоваренныхъ дворахъ, гдѣ продають *саки* новой варки. Купивъ *саки*, его тотчасъ переливають и сдаютъ на руки носильщикамъ, которымъ надо имѣть не мало ловкости, чтобы пробраться, не расплескавъ *саки*, сквозь густыя толпы другихъ носильщиковъ и народа. Полицейскіе, разставленные тамъ и сямъ на тротуарахъ, стараются угрозами и криками пріостановить давку. Если же это не помогаетъ, то они, протиснувшись въ толпу, безъ церемоніи, опять-таки по старинному обычаю, начинаютъ сыпать удары направо и налево по головамъ носильщиковъ, въ особенности, если тѣ идутъ не по тому направленію, какъ слѣдуетъ. Въ окнахъ домовъ и верхнихъ галлереяхъ видно множество стариковъ, матерей семействъ и молодыхъ дѣвушекъ, которые любятъ на уличную суматоху. Подмастерья пивоваровъ, получивъ жалованье, отправляются праздновать свой первый льготный день въ предмѣстья Іеддо или въ окрестные сады. Они угощаются подъ открытымъ небомъ морскими раками, до которыхъ японцы большіе охотники, горячимиiproгами и свѣжимъ *саки*; потомъ играютъ въ разныя игры, въ которыхъ требуется сила и ловкость. Они то схватываются за руки и начинаютъ гнуть другъ друга въ противоположную сторону, то тянутъ веревку, повернувшись другъ къ другу спиной, то упражняются въ подниманіи съ земли опахала, стоя на одной правой ногѣ, а лѣвую загнувъ назадъ. Игры оканчиваются общимъ бѣшенымъ плясомъ. Затѣмъ все возвращается въ городъ торжественной процессіей, которая обыкновенно изображаетъ въ смѣшномъ видѣ парадные выходы японскихъ князей, называемыхъ дай-мюсами.

Японія до 1858 года управлялась двумя государями, изъ которыхъ одинъ занимался дѣлами духовными, другой — свѣтскими. Нынѣ же должность свѣтскаго государя уничтожена. Но кромѣ нихъ есть еще множество владѣтельныхъ князей или даймюсовъ, болѣе или менѣе богатыхъ. Эти даймюсы самые важные люди въ Японіи. Въ Еедо они живутъ въ особой части города. Торжественные выѣзды ихъ сопровождаются большою пышностью. Передъ ними идутъ слуги съ разными знаками ихъ званія, алебардщики, знаменосцы, отряды войска, состоящаго на ихъ службѣ, самаго князя несутъ въ паланкинѣ, разукрашенномъ его гербами, окруженнаго тѣлохранителями и высшими офицерами.

Понятно, что вѣчно трудящемуся японскому простолюдину эти пышныя церемоніи кажутся совершенно излишними, а такъ какъ японцы отъ природы умны и склонны къ насмѣшкѣ, — то и немудрено, что развеселившіеся пивовары передразниваютъ въ забавномъ видѣ процессіи своихъ князей. Возвращающаяся съ гулянья на канунѣ Новаго года, компанія пивоваровъ тоже имѣетъ своего герольда, но вмѣсто шляпы изъ ивовыхъ вѣтвей, которымъ убрана голова настоящаго герольда, пивоваръ попросту нахлобучиваетъ на голову курятную корзину и потрясаетъ черпальнымъ ковшомъ, который держитъ въ правой рукѣ, произнося глухимъ голосомъ: «станіеро», что значитъ: становитесь на колѣни. Знаменосецъ вмѣсто флага несетъ огромный пукъ перьевъ, которымъ обыкновенно сметають пыль съ потолковъ, а самаго принца въ смѣшномъ, бумажномъ колпакѣ и съ деревянной саблей, привѣшанной съ боку, ведутъ подъ руки

два товарища. Нѣкоторые изъ свиты, желающіе щегольнуть своею ловкостью, играютъ вѣромъ подъ тактъ разныхъ танцевальныхъ пѣ, другіе приплясываютъ подъ звуки пустыхъ боченковъ, которые ловко вертятъ на перекинутыхъ черезъ плечо бамбуковыхъ палочкахъ.

Такой веселей шуткой заканчиваютъ пивовары свой трудовой годъ.

Женщины съ дѣтьми толпятся до поздней ночи около игрушечныхъ, кондитерскихъ и цвѣточныхъ лавокъ. За нѣкоторыми изъ нихъ идутъ слуги съ фонарями.

Наканунѣ Новаго года въ Японіи принято убирать весь домъ цвѣтами. Особенно любятъ японцы сливовыя деревья — карлики, украшенныя пышнымъ, махровымъ цвѣтомъ. Японскіе садовники мастерски умѣютъ выращивать такія миниатюрныя деревья. Они даютъ имъ ровно столько свѣта, земли и солнца, сколько надо для того, чтобъ выросло не настоящее дерево, а деревцо-карликъ. Страсть Японцевъ къ такому роду растеній видна даже и на дѣтскихъ игрушкахъ. Японская маменька, накупивъ въ цвѣточной лавкѣ такихъ деревцовъ для украшенія комнаты, идетъ за тѣмъ въ игрушечную лавку, гдѣ дѣти съ восторгомъ выбираютъ себѣ такія же игрушечныя деревца. Эти игрушки дѣлаютъ съ большимъ искусствомъ. Даже маленькія деревянныя вазы, покрытыя гласированною папье-маше, въ которыхъ стоятъ игрушечныя цвѣты, такъ хорошо поддѣланы подъ настоящій фарфоръ, что почти невозможно отличить ихъ отъ настоящихъ. Кромѣ этихъ деревцовъ въ японскихъ игрушечныхъ лавкахъ глаза дѣтей разбѣгаются на множество игрушекъ, которыя вообще дѣлаются очень отчетливо и изячно.

Вотъ дѣтская посуда и мебель, удивительно малень-

кіе ларчики, плетенные изъ разноцвѣтной соломы, букеты цвѣтовъ, сдѣланные изъ соломы и бамбука, лакированные, глиняныя фигурки, представляющія кошекъ, собаку, кроликовъ и фрукты, крашенныя яйца, совершенно сходныя съ нашими яйцами на Святую недѣлю, луки и стрѣлы въ маленькихъ колчанахъ, украшенныхъ еловыми вѣтками; красивыя куколки изображаютъ то поселянина въ праздничной одеждѣ подъ зонтикомъ, вмѣстѣ съ поселянкой съ лисьей мордочкой, замѣняющей ей лицо, то крестьянина съ серпомъ и плетеной корзинкой, перекинутой за плечо на бамбуковой палочкѣ.

Движущіеся игрушки особенно замѣчательны. Тутъ есть куклы, которыя при помощи особаго шнурка надѣваютъ себѣ на лицо маски, птицы, которыя взлетаютъ на воздухъ, если посвистѣть въ придѣланную къ елѣткѣ дудку, черепахи, качающія головой и двигающія ножками. Также достойны вниманія маленькіе шарики или мячики изъ бузиновой сердцевины. Это одна изъ самыхъ занимательныхъ игръ. Шарики эти бросаютъ въ теплую воду, гдѣ они лопаются и постепенно принимаютъ видъ лодки, рыбака, цвѣтка, плода, морскаго рака или рыбы. Каждый мѣщечекъ поражаетъ новымъ сюрпризомъ. Дѣти, бросая ихъ въ теплую воду, наперерывъ стараются отгадать, что выйдетъ изъ шарика.

Вообще наканунѣ Нового года вечеромъ Іеддо и его окрестности представляютъ картину какой то заразительной радости и веселья. Южное небо блеститъ пурпуровымъ отблескомъ зари, которая отражается въ морѣ, многіе дома, освѣщенные изнутри, сквозятъ какъ громадныя транспаранты. Улицы со своими соломенными гирляндами, увѣшанными большими разноцвѣтными фо-

нарами, похожи на цвѣтуція аллеи. Вездѣ толпа, вездѣ шумъ, движеніе, радостные крики, паяцы, маски, пѣнье и музыка. Мало по малу тѣнь и тишина ложатся на улицахъ. Въмѣсто свѣтлой иллюминаціи начинаютъ появляться рѣдкіе, блѣдные огоньки.

Въ деревняхъ съ приближеніемъ полуночи на всѣхъ порогахъ хижинъ появляется яркое пламя, которое вдругъ меркнетъ. Это поселяне гадаютъ на Новый годъ. Они зажигаютъ пучки лучинъ, которыя прежде были смочены въ святой водѣ. По направленію, формѣ и блеску пламени стараются отгадать хорошее или дурное будущее ожидаетъ ихъ въ настоящемъ году.

Когда всѣ приготовления къ Новому году окончены, наступаетъ отдыхъ и тишина въ домахъ и на улицахъ. Но японцы немного спятъ на Новый годъ. Съ первыми солнечными лучами всѣ жители Іеддо опять уже на ногахъ и въ каждомъ семействѣ происходитъ церемонія поздравленія другъ друга. Японцы всѣхъ сословій, не исключая и простолюдиновъ, чрезвычайно вѣжливы, но только вѣжливость ихъ сопровождается великимъ множествомъ такихъ церемоній, которыя намъ, европейцамъ, какъ народамъ болѣе развитымъ, кажутся чрезвычайно утомительными, смѣшными и излишними. Вотъ какъ, примѣръ, поздравляютъ въ Японіи съ Новымъ годомъ другъ друга супруги. Жена ставитъ на цыновку подарки, приготовленные для мужа. Какъ только онъ показывается, она три раза кланяется ему въ ноги, потомъ, приподнявшись на колѣнахъ, говоритъ свою поздравительную рѣчь, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ, опираясь въ полъ руками, пальцы которыхъ загнуты внутрь, къ колѣнямъ. Мужъ въ свою очередь медлен-

но присѣдаетъ передъ женой до тѣхъ поръ, пока руки его, висящія вдоль тѣла не коснутся земли. Слегка наклонивъ* голову, какъ бы желая внимательно прислушаться къ ея поздравленію, онъ по временамъ выражаетъ свое удовольствіе какими-то гортанными звуками, прерывая ихъ протяжными вздохами и сдержаннымъ свистомъ. Японскій этикетъ непремѣнно требуетъ всей этой комедіи. По окончаніи рѣчи жены, наступаетъ очередь мужа говорить поздравительную рѣчь, затѣмъ приходятъ дѣти и старшіе родственники, которые также поздравляютъ другъ друга и наконецъ всѣ садятся за общій столъ и завтракаютъ вмѣстѣ. Затѣмъ начинается приемъ гостей и отдаваніе визитовъ. Разсылаютъ визитныя карточки.

Японцы дѣлаютъ свою бумагу изъ древесной коры и обрабатываютъ ее почти также, какъ и на нашихъ бумажныхъ фабрикахъ, но противъ нашей бумаги она имѣетъ тотъ недостатокъ, что нѣсколько хрупка. Пишутъ японцы отъ лѣвой руки къ правой, и не строчками, а столбиками. У нихъ не одна письменная азбука, а нѣсколько, что дѣлаетъ затруднительнымъ для иностранцевъ изученіе японскаго языка.

Каждая визитная карточка отличается особымъ форматомъ и украшеніями, сообразно званію и положенію лица, которому она посылается. Карточки всегда отсылаютъ въ красивыхъ конвертахъ, изъ которыхъ самыя большіе обвязываютъ широкой лентой. Слуги разносятъ ихъ изъ дома въ домъ на лакированныхъ подносахъ. Японцы превосходно знаютъ всѣ правила своего многосложнаго этикета. Ихъ учатъ этому еще съ дѣтства. Японецъ высшаго круга никогда не смѣшаетъ особъ, къ которымъ долженъ явиться самъ, съ тѣми, кому прич-

но послать только визитную карточку. Точно также онъ знаетъ, кому отнести карточку лично и кому послать ее просто со слугой. Вообще въ Японіи чиновочитаніе въ большомъ ходу.

На улицахъ между тѣмъ начинается праздничное веселье. Веселый гамъ повсюду сопровождается звуками какъ бы золотой арфы. Это Японецъ придаетъ своей любимой забавѣ. Множество бумажныхъ змѣевъ взвивается подъ облака. Змѣи эти также изукрашены по праздничному. На нихъ изображены то смѣшные люди съ крыльями за плечами, то журавли, попугаи и ястребы, те чудныя животныя, воинственные головы и т. п. Поперегъ нѣсколько выгнутыхъ рамъ положены тоненькія бамбуковыя пластинки, которыя во время полета издають мелодическій звукъ. Иногда между пущенными змѣями завязывается борьба. Веревки съ привѣшенными къ нимъ осколками стекла, летя по одному направленію, задѣвають другъ друга и между змѣями начинается поединокъ, оканчивающійся обыкновенно тѣмъ, что оба падаютъ на землю или стеклушки одного изъ нихъ перетирають веревку другаго, рамка улетаетъ подъ облака и веревка спускается на землю. Эти поединки воздушныхъ змѣй особенно любятъ женихи и невѣсты, и потому все уличное населеніе принимаетъ въ нихъ самое живое участіе. Зрители слѣдятъ за ходомъ борьбы, и если побѣда на сторонѣ невѣсты — раздаются громкія аплодисменты. — Японцы любятъ дѣтей, обращаются съ ними терпѣливо и стараются доставить имъ разныя удовольствія. Куда бы вы не посмотрѣли въ праздникъ Новаго года, вы видите, что вездѣ первое мѣсто занимають дѣтскія игрушки и дѣтскія игры. Здѣсь играютъ въ серсо, тамъ ходятъ на

ходуляхъ, пускають волчки, устройство которыхъ отличается удивительнымъ разнообразіемъ. Игры смѣняють одна другую и, переходя отъ маленькихъ дѣтей къ ихъ старшимъ братьямъ, доходятъ наконецъ до главы семейства. Молодыя замужнія дамы и дѣвицы играютъ въ воланъ. Самые употребительные подарки на Новый годъ ракеты для волановъ и опахала.

Почти всѣ костюмировки въ этотъ счастливый день имѣють цѣлю доставить возможно большее удовольствіе дѣтямъ, которыя конечно также разряжены. Онѣ надѣвають на голову бумажные колпаки, берутъ въ руки блестящіе щиты и садятся на спинѣ снисходительныхъ старшихъ братьевъ, а одинъ изъ взрослыхъ членовъ семьи подъ маской татарина скачетъ верхомъ на лошади, трубя въ рогъ. Этотъ рогъ чрезвычайно нѣжно сдѣланъ изъ соломы, а лошадь вырѣзана изъ картона съ нарисованными по срединѣ ногами всадника. На главной площади собраны всевозможныя рѣдкости: театръ маріонетокъ, бѣлыя мыши, ученые кролики и пр. Здѣсь какъ и вездѣ первое мѣсто занимають предметы увеселеній для дѣтей. На рынкахъ, улицахъ, на площадяхъ и у домашняго очага, у всѣхъ ремесленныхъ, торговыхъ и промышленныхъ классовъ видна одна забота — сдѣлать изъ перваго дня года настоящій праздникъ для дѣтей, то есть самый радостный день для отцовъ и матерей семействъ.

Въ домахъ также веселятся. Приходятъ гости, идетъ угощеніе. Но здѣсь отецъ семейства, оставивъ на время гостей, приходитъ одинъ или вмѣстѣ съ женой въ маленькую коморку, отгороженную въ самомъ далекомъ углу дома. Въ этой каморкѣ устраивается передъ праздникомъ молежня. У стѣны стоитъ алтарь изъ кедроваго

дерева съ двумя ступеньками, покрытыми краснымъ ковромъ.

На первой ступени стоятъ два идола, освѣщенные двумя металлическими лампами. На второмъ два небольшіе лаковые столика съ предметами первыхъ земныхъ благъ для японца: съ двумя рисовыми хлѣбами, съ парой морскихъ раковъ или рыбы, обернутыхъ въ серебряную бумагу и двѣ бутылки *саки* съ такими же украшеніями. Надъ алтаремъ развѣшаны писанныя на холстѣ изображенія языческихъ боговъ, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ алтаря стоятъ двѣ толстыя зажженные свѣчи, въ высокихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ. Въ Новый годъ Японцы особенно поклоняются богамъ счастья. Всѣхъ боговъ счастья семь. Они даютъ человѣку долгоденствіе, насущный хлѣбъ, довольство, богатство, таланты, славу и любовь. Самый уважаемый изъ нихъ богъ долгоденствія Шіуроу. Такъ какъ онъ прожилъ неизмѣримое количество лѣтъ и ему пришлось очень много наблюдать, разсуждать и соображать,—то его представляютъ обыкновенно со лбомъ необъятной величины, украшеннымъ огромной лысиной. Рядомъ съ нимъ всегда—журавль и черепаха.

Богъ насущнаго хлѣба, Уебисъ, изображается въ видѣ простаго рыбака, такъ какъ въ Японіи рыба употребляемая ежедневно въ пищу,—то же, что хлѣбъ для другихъ странъ. Уебисъ самый любимый богъ въ Японіи. Его изображаютъ съ удочкой въ рукахъ и съ постоянной довольной улыбкой на лицѣ, случится ли ему поймать прекрасную рыбу *таи* или нести на рынокъ самые обыкновенные продукты рыболовства, которые онъ тащитъ на плечахъ или навьючиваетъ на своего старого

Съ богомъ богатства, котораго зовутъ Дайбогомъ, японскіе живописцы обращаются не совсѣмъ почтительно. Его изображаютъ въ видѣ малорослаго, плотнаго чело-вѣка съ приплюснутой шапкой на головѣ и въ огромныхъ сапогахъ, которыми онъ упирается въ два туго набитые рисомъ мѣшка, застегнутые жемчужными пуговицами. Въ одной рукѣ онъ держитъ молотъ золотопромышленника, въ другой большой мѣшокъ перекинутый за спину, въ которомъ хранятся его сокровища. Въ на-смѣшку ему даютъ въ спутники крысу, этого заклятаго врага собственности.

Богъ довольства, Готей, изображается въ видѣ нищаго. Все его имущество заключается въ кускѣ грубаго холста, составляющаго его одежду, въ катомкѣ и въ опахалѣ. Катомка замѣняетъ ему попеременно подушку, одѣяло, матрацъ и даже лодку, когда ему надо переѣхать черезъ рѣку. Когда она пуста, Готей не горюетъ, только посмѣивается и отдаетъ ее играть дѣтямъ. Онъ другъ всѣхъ поселянъ и его часто можно встрѣтить верхомъ на буйволѣ какого нибудь землепашца, обрабатывающаго свои рисовыя поля. Случается, что онъ засыпаетъ гдѣ нибудь на красивомъ холмѣ подъ гостепріимною тѣнью деревьевъ. Иногда толпа дѣтей подкрадывается къ спящему и начинаетъ тормозить его со всѣхъ сторонъ. Безпечный, но добродушный Готей, улыбаясь, открываетъ глаза, протягиваетъ руки, придвигаетъ къ себѣ маленькихъ шалуновъ и начинаетъ рассказывать имъ сказки.

Богъ талантовъ, величественный старецъ Тоеи-току, любитъ дѣтей не меньше Готей. Онъ выдумываетъ для нихъ разныя игры и между прочимъ учить ихъ превосходнымъ работамъ изъ бумаги. Онъ носитъ мантию, шап-

бу и туфли доктора и держать на плечѣ посохъ съ привязаннымъ къ нему сверткомъ пергамента и пальмовымъ опахаломъ. Молодая лань его постоянная спутница.

Богъ славы, Бизгамонъ, занимаетъ у народа въ числѣ боговъ самое послѣднее мѣсто. Это и немудрено.

Законы Японіи таковы, что славы могутъ достигнуть только люди привилегированныхъ соловій. Бизгамонъ носить каску и золотую кирасу, въ правой рукѣ держитъ копье, украшенное амулетами.

Самое замѣчательное изъ семи божествъ—богиня Бен-тенъ. Она служитъ образцомъ женщины, отъ нея зависитъ счастье семьи, въ ея власти находится море—этотъ главный кормилецъ Японіи. Она даетъ людямъ всѣ земныя блага. Она даруетъ обильную утреннюю и вечернюю росу, она изобрѣтательница лютни, словомъ, царица всего, что поддерживаетъ и краситъ человѣческую жизнь. Она же зажигаетъ на горизонтѣ первую вечернюю звѣзду, замѣняющую маякъ для бѣдныхъ рыболововъ. Въ глазахъ простонародья, въ особенности женщинъ, Бен-тенъ представляетъ образецъ, которому должны подражать всѣ хорошія матери. У ней пятнадцать сыновей, которые всѣ, кромѣ послѣдняго, образованы, умны и занимаются разными должностями. Скульпторы и живописцы надѣляются эту сказочную богиню такимъ чиномъ рукъ, какимъ имъ заблагоразсудится.

Надо сказать, что жизнь японцевъ вообще тяжела и они очень горячо и усердно молятся своимъ богамъ счастья. Законы и учрежденія Японіи такъ несовершенны, что людямъ много приходится страдать. Приведу здѣсь только одну черту. У насъ въ Европѣ въ настоящее время всячески стараются не только о смягченіи наказаній

преступникамъ, но и о ихъ исправленіи. У насъ разсуждаютъ такъ: если человѣкъ укралъ чтонибудь или лишилъ когонибудь жизни, то не всегда можетъ быть онъ такъ сильно виноватъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Часто причиною воровства бываетъ невыносимая, тяжелая нѣжда. Человѣкъ боролся, но у него нехватило силъ. Человѣкъ совершившій тяжкое преступленіе можетъ глубоко раскаяться въ немъ и тогда одно уже воспоминаніе объ этомъ преступленіи можетъ быть для него страшной, ужасной карой на всю остальную жизнь. Въ Японіи же смотрятъ на это совсѣмъ не такъ. Тамъ не только подвергается самой жестокой безчеловѣчной казни преступникъ, но изъ за его преступленія приходится пострадать всему его семейству, даже всѣмъ его роднымъ.

Но замѣчательно то, что японецъ, усердно молящійся своимъ богамъ въ торжественныя и серьезныя минуты жизни, подъ веселый часъ не прочь и подтрунить надъ ними. Въ книжныхъ лавкахъ и на ярмаркахъ продается множество каррикатуръ и любимой ихъ темой почти всегда японскіе божества. Народное остроуміе потѣшается надъ ними, изображая ихъ во всевозможныхъ видахъ. То богъ долгоденствія играетъ въ трикъ-тракъ, то богъ славы принужденъ таскать на своемъ копѣ рыбу.

Бевтенъ, сидя въ трактирѣ, занимается починкой гардероба труппы актеровъ. Она поетъ и играетъ на лютнѣ во время представленій, а богъ богатства аккомпанируетъ ей, ударяя бамбуковой палочкой по своему крѣпкому молоту. Его всегдашнія спутницы, крысы, выдѣлываютъ разныя акробатическія штуки. На нѣкоторыхъ карриатурахъ добродушный богъ довольства, проситъ Уебиса

потереть ему бока, а богъ талантовъ чрезвычайно искусно прижигаетъ себѣ ноги. Иногда же всѣ семь божествъ счастья бѣгаютъ по улицамъ въ костюмахъ скомороховъ.

Все это доказываетъ, что японской народъ настолько уже развитъ умственно, что самъ не вѣритъ въ своихъ сказочныхъ боговъ; молится же онъ имъ отчасти по привычкѣ, отчасти потому, что чувствуетъ потребность молитвы въ своей тяжелой жизни, но не зная Единого истиннаго Бога,—прибѣгаетъ къ фантастическимъ божествамъ, завѣщаннымъ ему предками.

Впрочемъ, надо сказать, что съ 1858 года въ Японіи дѣла идутъ уже не по старому. Европейцамъ и американцамъ дозволено торговать въ Японіи, и японцы начинаютъ уже вводить у себя нѣкоторыя изъ нашихъ изобрѣтеній. Такъ между прочимъ у нихъ есть уже пароходы, сдѣланные японскими строителями, въ войскѣ ихъ есть полки, одѣтые и сформированные по европейскому образцу. Старые порядки замѣняются новыми и можно ожидать, что умный и трудолюбивый японскій народъ скоро догонитъ европейскіе народы, опередившіе его на пути цивилизаціи.